

УДК 321

Анализ политического режима в Украине после 2014 года

Борейко Андрей Андреевич

Соискатель,

кафедра истории и политологии,

Северо-Западный институт управления

Российской академии народного хозяйства и государственной службы

при Президенте Российской Федерации,

199178, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Средний просп., В.О., 57/43;

e-mail: aarongungnir@mail.ru

Аннотация

На первый взгляд политический режим в Украине представляет собой либеральную демократию: конституция, парламент, множество политических партий, выборы и политически активная часть общества. Однако политические институты на практике не функционируют демократически или даже эффективно. В результате этого ключевым ресурсом для украинских политиков становится «ноу-хау», или способность переживать выборы. Различные исследователи определяют политический режим в Украине как авторитарный или гибридный. Главными чертами президентства Л. Кучмы были превалирование неформальных сетей и установление патронажных связей. Политический режим в Украине был недемократическим соревновательным режимом с высоким уровнем неформальных связей и политическим насилием. Ни одна украинская «цветная» революция не смогла изменить неформальную природу политических процессов и институтов. Большинство политиков предпочитают полагаться на установление неформальных коалиций на выборах, чем соревноваться за голоса избирателей. Этот феномен объясняется экономическими интересами политических акторов. Политическая власть в Украине стала инструментом приобретения или защиты собственности. Это является результатом широкого распространения патронажных сетей доверия. Украинские политики не готовы играть по демократическим правилам, что представляет собой главное препятствие на пути к демократии.

Для цитирования в научных исследованиях

Борейко А.А. Анализ политического режима в Украине после 2014 года // Теории и проблемы политических исследований. 2016. № 3. С. 113-122.

Ключевые слова

Политический режим, изменения режима, демократия, транзит к демократии, Украина, элиты, революция, «цветная революция».

Введение

В результате политического кризиса ноября 2013 – февраля 2014 года, который принято называть либо «Евромайдан», либо «Революция достоинства», произошло отстранение от власти президента страны В. Януковича. Как и «Оранжевая революция» 2004 года, «Евромайдан» позиционировался в том числе и как переход существующего политического режима к демократии. Спустя несколько лет после тех событий попробуем разобраться в том, какой же политический режим существует в Украине теперь.

В качестве определения термина «политический режим» будем использовать формулировку, предложенную Ю. Мациевским: политический режим – это «институционализованный совокупность формальных и неформальных правил, определяющая горизонтальные и вертикальные ограничения в приемах осуществления власти, во взаимодействии носителей власти между собой и остальной частью общества» [Мациевский, 2008]. Таким образом, изучая политический режим в Украине, будем акцентировать внимание на изменениях в тех самых правилах и приемах. Демократический режим может быть понят как превалирование формальных правил над неформальными, а авторитарный режим, следовательно, – как превалирование неформальных правил над формальными. Четкость и определенность правил, по которым происходит реализация власти, то есть их формализация, должна присутствовать в возможностях главы государства, партийной системе, парламентской борьбе, способе принятия решений, функционировании и взаимодействии между собой различных ветвей власти. Эти правила понятны, признаются и соблюдаются участниками политического процесса. Известная максима гласит, что демократия – это неопределенность результата при определенности процедур. Таким образом, демократический режим – это совокупность общепринятых и общеобязательных четких правил, обеспечивающих непредвзятый результат в осуществлении власти. В полной мере демократия достигает своего расцвета при конституционном либерализме, включающем защиту базовых прав и свобод. Демократия и конституционный либерализм образуют то, что принято называть либеральной демократией – политическую систему, отличающуюся не только свободными и честными выборами, но также и верховенством закона, разделением властей и защитой базовых свобод слова, собраний, вероисповедания и частной собственности [Zakaria, 1997, 22]. Ф. Закария указывает на то, что вопреки мнению многих эти два феномена не являются взаимообязательными. Различные политические силы, представленные партиями, могут вести между собой достаточно конкурентную борьбу за замещение вакантных должностей. Из этого следует, что существует тип политических режимов,

где присутствуют свойственные демократии политические институты, но по существу эти режимы далеки от либеральных демократий.

Политические режимы на Украине после 1991 года

Различные исследователи по-разному определяют политические режимы, существовавшие в Украине после 1991 года. П. Кубичек использует для определения политического режима Украины термин «делегативная демократия», который в научный оборот ввел Г. О’Доннелл [Kubecsek, 1994, 423]. Т. Кузио в одной из своих многочисленных работ по Украине назвал ее «гибридным государством» с «соревновательным авторитарным» режимом» [Kuzio, 2005, 168]. В статье 2010 года, посвященной политическому режиму в Украине, Ю. Мациевский пишет следующее: «Если до “Оранжевой революции” в Украине существовал слабый олигархический авторитаризм, то во время президентства В. Ющенко режим трансформировался в “дефектную демократию”, которая отличается от либеральной по трем показателям: политическое участие, политическая конкуренция и конституционализм (предполагающий соблюдение Конституции всеми главными политическими игроками и гарантию прав и свобод граждан). В период президентства В. Ющенко демократические правила игры не стали общепринятыми, а дефектная демократия не превратилась в либеральную» [Мациевский, 2010, 26].

Большую популярность приобрела «неопатримониальная» концепция, адаптированная под реалии постсоветского пространства. При использовании этого термина принято ссылаться на М. Вебера, который определял патримониальные режимы как одну из форм господства, где личная преданность является источником получения благ [Вебер, 2007, 150-165]. А. Фисун также отмечает высокую степень персонализации власти в Украине [Фисун, 2011, 119-127]. Такой политический режим сложился благодаря тому, что лидерам ряда стран на постсоветском пространстве, в том числе в Украине, удалось создать стабильную систему, контролирующую политические элиты. Это стало возможным благодаря, во-первых, победе на президентских выборах, в условиях реальной конкуренции [Hale, 2005, 133-165], то есть существует реальное признание инкумбента со стороны большинства избирателей, а во-вторых, благодаря тому, что в президентских республиках глава государства обладает широким спектром как формальных, так и неформальных полномочий [Прокофьев, 2010]. По мнению Д’Аньери, факторами, препятствующими демократии в Украине, являются советское наследие, президентская форма правления, отсутствие «революционности» перехода в начале 1990-х. Эти же факторы влияют на формирование и успешное функционирование неопатримониальных режимов.

В целом, все исследователи солидарны в том, что и до, и после 2004 года в Украине существовали различные формы переходных политических режимов. Не демократические, но и уже достаточно конкурентные для того, чтобы их отнести к авторитарным. Однако все

эти режимы отличает целый ряд проблемных черт: мажоритарное правление, слабая институционализация отношений субъектов политического процесса, непрозрачность процесса принятия политических решений [O'Donnell, 1993], высокий уровень коррупции, слияние частных экономических интересов и политических практик, непрозрачность принятия политических решений и политических назначений, неформальность правил, регламентирующих борьбу за власть. Институциональный дизайн таких переходных режимов очень похож на либеральную демократию: существуют регулярные, конкурентные, свободные и равные выборы, – это главный механизм отбора политической элиты. Однако население участвует в политике только на выходе из электорального цикла, а все остальное время политическая активность подавляющей части населения остается крайне низкой. Для политических лидеров, в свою очередь, главной задачей является победа на выборах [Way, 2005, 236].

На примере Украины видно, что существует дисбаланс в пользу исполнительной власти. Демократические институты либо не формируются, либо не могут развиваться в полноценных акторов политического процесса. В результате транзит к демократии не происходит. Но самое главное, что ни после «Оранжевой революции», ни после «Евромайдана» не изменились правила игры, определяющие взаимоотношения элитарных группировок между собой. После «революционных» преобразований не появляются новые политические институты или практики, не изменяются принципы функционирования прежних политических институтов. Имеет место лишь ротация правящих группировок. Таким образом, демократизация политического режима не происходит.

В этом смысле интерес представляют последние местные выборы в Украине. Из неформального доклада ОБСЕ/БДИПЧ: «Второй тур выборов глав городов в Украине подтвердил оценку, данную местными выборами 25 октября, во время которых наблюдалось влияние бизнес-интересов на избирательный процесс в большинстве регионов. Многие кандидаты сосредоточили свои усилия на формировании местных коалиций вместо общения с избирателями» [Доклад ОБСЕ/БДИПЧ..., www]. В теории выборы являются фактически единственным демократическим институтом, посредством которого осуществляется легитимный переход власти. При этом выборы выступают единственным источником легитимизации политического режима. Но это имеет смысл только в том случае, если группировки ведут более или менее конкурентную борьбу между собой за голоса избирателей. Однако в Украине наблюдается иная ситуация. Главной целью является создание коалиций для защиты своих интересов, угрозой которым создают выборы и избиратели с их неясными электоральными предпочтениями. Так, выборы превращаются в механизм с неясными исходами, где борьба за голоса избирателей становится менее важной и даже опасной, по сравнению с созданием коалиций.

Поскольку главным принципом политической борьбы в Украине является принцип «победитель получает все», то существует реальная угроза хозяйственным интересам акторов. Отсутствие четких и признанных всеми участниками правил игры, которые призваны этих

самых участников защищать, приводит к обострению собственных конфликтов в государстве. При наличии определенных ресурсов и интереса собственность в Украине отчуждается насильственным путём [Кто и зачем..., www]. Подобные захваты могут повториться уже со стороны бывших владельцев. Единственный способ защиты своих интересов – это наличие политического статуса, дающего возможность использовать властные полномочия [На Украине..., 2015]. Таким образом, борьба за власть в Украине становится средством решения собственных экономических проблем – получения или защиты бизнеса / собственности – крупнейшими игроками. Инструментарий решения этих проблем хорошо вкладывается в понятие силовой политики. Это, в свою очередь, объясняет и факт формирования предвыборных, порой очень широких, коалиций, где ключевым императивом является не близость политических программ и убеждений потенциальных кандидатов, а общность их хозяйственных интересов или отсутствие столкновений интересов. Влияние экономических интересов не ограничивается только лишь процессами выборов.

Такое отношение к властным должностям как к источнику решения собственных экономических проблем ведет к увеличению коррумпированности общества. Для переходных политических режимов характерно использовать различные политические должности как источник собственного обогащения. Это было свойственно и неопатримониальным режимам Л. Кучмы и В. Януковича, и несовершенной демократии образца президентства В. Ющенко. Социологические исследования показывают, что среди различных негативных черт президентства В. Ющенко и В. Януковича респонденты называют коррупцию, низкую эффективность управления страной и борьбу с политическими оппонентами внесистемными методами [Снежкова, 2013]. Индекс восприятия коррупции показывает, что за последние несколько лет в Украине не произошло существенных сдвигов в этом направлении: количество баллов, набираемых Украиной в соответствующем рейтинге с 2012 по 2014 год, было равно 25-26 единицам, что говорит о довольно высоком уровне коррупции [Индекс восприятия..., 2014]. Речь не идет о том, что Украина за год должна была подняться в рейтинге на 50 позиций. Однако отсутствует позитивная тенденция, которая бы вселяла уверенность в том, что меры по борьбе с коррупцией предпринимаются и они эффективны. Не вызывает это большого оптимизма и у властей иностранных государств, приветствовавших события 2004 и 2014 годов. Вице-президент США Д. Байден во время своего выступления перед депутатами Верховной рады подверг критике темпы антикоррупционных реформ в Украине [Corruption in Ukraine..., www].

Согласно Т. Карозерсу, трансформация к демократии – не линейный процесс, то есть существует несколько траекторий развития [Carothers, 2002]. Понимать эти слова стоит в том числе и как предостережение. Далеко не все политические режимы, вступившие на путь демократизации, имеют высокие шансы на успешное завершение этого процесса. Как показывает практика, высоки риски остаться в «серой зоне» – стать переходным режимом, сочетающим в себе внешние демократические черты и неформальные авторитарные институты.

Заключение

Проанализировав различные факторы, влияющие на смену политических режимов на постсоветском пространстве, А. Мельвиль и Д. Стукал пришли к выводу, что структурные факторы оказывают воздействие на трансформации как таковые, но на установление и успешное функционирование демократических режимов влияют процедурные и актор-ориентированные факторы [Мельвиль, Стукал, 164-183]. Структурные факторы могут пониматься в качестве причин попыток смены политического режима в Украине в 2004 и 2014 годах. Однако эти попытки не были успешными, то есть не способствовали демократизации Украины, по причине сохранения качественно старых характеристик институтов и акторов политического процесса. Единственной предпосылкой демократизации Л. Даймонд называет готовность национальных элит осуществлять демократическое правление [Diamond, 2003]. Однако украинские политические элиты к этому не готовы. Не готовы они в силу отсутствия революционного перехода, превалирования неформальных связей и экономических интересов в украинской политике, а также слабой связи между избирателями и избираемыми. Таким образом, политический режим Украины, продемонстрировав попытки покинуть «серую зону» транзитных режимов, так в ней и остался.

Библиография

1. Вебер М. Традиционное господство // Прогнозис. 2007. № 2. С. 150-165.
2. Доклад ОБСЕ/БДИПЧ по итогам местных выборов в Украине в 2015 году. URL: www.osce.org/ru/odhr/elections/ukraine/200141?download=true
3. Индекс восприятия коррупции за 2014 год. URL: <http://www.transparency.org/cpi2014/results>
4. Кто и зачем провоцирует корпоративные конфликты в Украине? URL: <http://forbes.net.ua/business/1394260-kto-i-zachem-provociruet-korporativnyie-konflikty-v-ukraine>
5. Мациевский Ю. Политический режим Украины после «Оранжевой революции» // Политэкс. 2008. № 4. URL: politex.info/content/view/499/30/
6. Мациевский Ю. Смена, транзит или цикл: динамика политического режима в Украине в 2004-2010 гг. // Полис. 2010. № 5. С. 17-37.
7. Мельвиль А., Стукал Д. Условия демократии и пределы демократизации // Полис. 2011. № 3. С. 164-183.
8. На Украине началась война олигархов. 2015. URL: <http://vz.ru/world/2015/3/20/735460.html>
9. Прокофьев А. Институциональные факторы трансформации политических режимов Грузии, Киргизии и Украины (начало 2000-х годов) // Политэкс. 2010. № 2. URL: <http://www.politex.info/content/view/699/30/>

10. Снежкова И. Трансформация этнической идентичности в Украине (Киев, Крым 2005-2011 гг.) // Трансформация этнической идентичности в России и в Украине в постсоветский период. М.: ИЭА РАН, 2013. С. 222-240.
11. Фисун А. Украинская неопатримониальная демократия: формирование, специфика и тенденции развития. URL: http://philosophy.karazin.ua/ua/kafedra/staff_pol/books/fisun/fisun_oikoumene_2011_8.pdf
12. Carothers T. The End of the Transition Paradigm // Journal of Democracy, 2002. URL: <http://www.journalofdemocracy.org/articles-files/gratis/Carothers-13-1.pdf>
13. Corruption in Ukraine Making Joe Biden mad as hell. URL: <http://www.economist.com/news/europe/21679858-ukraine-not-punishing-its-criminals-west-getting-tired-nagging-it-making-joe-biden>
14. D'Anieri P. Understanding Ukrainian politics: power, politics and institutional design. NY, 2007. 299 p.
15. Diamond L. Can the Whole World Became Democratic? // Democracy, Development and International Policies. Paper 03'05. Center for Study of Democracy: University of California, Irvine. URL: <http://escholarship.org/uc/item/7bv4b2w1>
16. Hale H. Regime Cycles: Democracy, Autocracy, and revolution in Post-Soviet Eurasia // World Politics. 2005. Vol. 58. № 1. P. 133-165.
17. Kubecek P. Delegetive democracy in Russia and Ukraine // Communist and Post-Communist Studies. 1994. № 27. P. 423-441.
18. Kuzio T. Regime type and politics in Ukraine under Kuchma // Communist and Post-Communist Studies. 2005. № 38. P. 167-190.
19. O'Donnell G. Delegetive democracy? // Kellogg Institute Working Papers. 1993. № 192. URL: [https://kellogg.nd.edu/publications/Working papers /WPS/172.pdf](https://kellogg.nd.edu/publications/Working%20papers/WPS/172.pdf)
20. Way L. Authoritarian State Building and the Sources of Regime Competitiveness in the Fourth Wave: The case of Belarus, Moldova, Russia and Ukraine // World Politics. 2005. Vol. 57. № 2. P. 231-261.
21. Zakaria F. The rise of illiberal democracy // Foreign Affairs. 1997. № 76 (6). P. 22-43.

Analyze of Ukrainian political regime after 2014

Andrei A. Boreiko

Postgraduate,

The North-Western Institute of Management of the Russian Federation Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,

199178, 57/43, Saint-Petersburg, Srednii prospect V.I., Russian Federation;
e-mail: aarongungnir@mail.ru

Abstract

At first sight, Ukrainian political regime looks like liberal democracy: constitution, parliament, many different political parties, elections and politically active society. However, in reality political institutions do not function democratically or even effectively. As a result a "know how" – the ability to survive the elections – becomes the key resource for Ukrainian politicians. Some scholars defined Ukrainian political regime as different forms of authoritarianism or hybrid regime. Main features of L. Kuchma's presidency were the dominance of informal networks and the establishment of patronage ties. The political regime in Ukraine was not democratically competitive with a high level of informal relations and political violence. Both revolutions were not able to change the informal nature of Ukrainian political processes and institutions. Most politicians prefer to cooperate with each other during the elections rather than compete for votes. We may explain this by economic interests of political actors. Political power in Ukraine is a source to get or to protect properties. This is a result of patronage networks, which has been widely spread over the last decades. Ukrainian politicians are not ready to play by democratic rules. This is the main obstacle to transition to democracy in Ukraine.

For citation

Boreiko A.A. (2016) Analiz politicheskogo rezhima v Ukraine posle 2014 goda [Analyze of Ukrainian political regime after 2014]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 3, pp. 113-122.

Keywords

Political regime, regime change, democracy, democracy transition, Ukraine, elites, revolution, "color revolution".

References

1. Carothers T. (2002) *The End of the Transition Paradigm*. Journal of Democracy. Available at: <http://www.journalofdemocracy.org/articles-files/gratis/Carothers-13-1.pdf> [Accessed 05/01/2016].
2. *Corruption in Ukraine Making Joe Biden mad as hell*. Available at: <http://www.economist.com/news/europe/21679858-ukraine-not-punishing-its-criminals-west-getting-tired-nagging-it-making-joe-biden> [Accessed 25/04/2016].
3. D'Anieri P. (2007) *Understanding Ukrainian politics: power, politics and institutional design*. NY: M.E. Sharpe.

4. Diamond L. (2005) Can the Whole World Become Democratic? *Democracy, Development and International Policies. Paper 03'05*. Center for Study of Democracy: University of California, Irvine. Available at: <http://escholarship.org/uc/item/7bv4b2w1> [Accessed 05/01/2016].
5. *Doklad OBSE/BDIPCh po itogam mestnykh vyborov v Ukraine v 2015 godu* [The OSCE / ODIHR report on the results of local elections in Ukraine in 2015]. Available at: www.osce.org/ru/odihr/elections/ukraine/200141?download=true [Accessed 01/05/2016].
6. Fisun A. (2011) *Ukrainskaya neopatrimonial'naya demokratiya: formirovanie, spetsifika i tendentsii razvitiya* [Ukrainian neopatrimonial democracy: the formation, the specificity and trends]. Available at: http://philosophy.karazin.ua/ua/kafedra/staff_pol/books/fisun/fisun_oikoumene_2011_8.pdf [Accessed 01/05/2016].
7. Hale H. (2005) Regime Cycles: Democracy, Autocracy, and revolution in Post-Soviet Eurasia. *World Politics*, 58 (1), pp. 133-165.
8. *Indeks vospriyatiya korrupsii za 2014 god* [2014 Corruption Perceptions Index]. Available at: <http://www.transparency.org/cpi2014/results> [Accessed 30/04/2016].
9. *Kto i zachem provotsiruet korporativnye konflikty v Ukraine?* [Who and what provokes corporate conflicts in Ukraine?]. Available at: <http://forbes.net.ua/business/1394260-kto-i-zachem-provociruet-korporativnye-konflikty-v-ukraine> [Accessed 28/04/2016].
10. Kubecek P. (1994) Delegetive democracy in Russia and Ukraine. *Communist and Post-Communist Studies*, 27, pp. 423-441.
11. Kuzio T. (2005) Regime type and politics in Ukraine under Kuchma. *Communist and Post-Communist Studies*, 38, pp. 167-190.
12. Macievskii Ju. (2008) Politicheskii rezhim Ukrainy posle "Oranzhevoi revolyutsii" [Political mode of Ukraine after the "Orange revolution"]. *Politeks*, 4. Available at: politex.info/content/view/499/30/ [Accessed 01/05/2016].
13. Macievskii Ju. (2010) Smena, transit ili tsikl: dinamika politicheskogo rezhima v Ukraine v 2004-2010 gg. [Change, transit or cycle: the dynamics of political regime in Ukraine in 2004-2010]. *Polis*, 5, pp. 17-37.
14. Mel'vil' A., Stukal D. (2011) Usloviya demokratii i predely demokratizatsii [The conditions of democracy and limits of democratization]. *Polis*, 3, pp. 164-183.
15. *Na Ukraine nachalas' voyna oligarkhov* [In Ukraine, the war of oligarchs began]. 2015. Available at: <http://vz.ru/world/2015/3/20/735460.html> [Accessed 15/04/2016].
16. O'Donnell G. (1993) Delegetive democracy? *Kellogg Institute Working Papers*, 192. Available at: [https://kellogg.nd.edu/publications/Working papers /WPS/172.pdf](https://kellogg.nd.edu/publications/Working%20papers/WPS/172.pdf) [Accessed 05/01/2016].
17. Prokof'ev A. (2010) Institutsional'nye faktory transformatsii politicheskikh rezhimov Gruzii, Kirgiziii, Ukrainy (nachalo 2000-kh godov) [Institutional factors of transformation of political challenges regimes of Georgia, Kyrgyzstan and Ukraine (the beginning of 2000-ies)]. *Politeks*. Available at: <http://www.politex.info/content/view/699/30/> [Accessed 05/01/2016].

18. Snezhkova I. (2013) Transformatsiya etnicheskoi identichnosti v Ukraine (Kiev, Krym 2005-2011 gg.) [Transformation of ethnic identity in Ukraine (Kiev, Crimea 2005-2011)]. In: *Transformatsiya etnicheskoi identichnosti v Rossii i v Ukraine v postsovetskii period* [Transformation of ethnic identity in Russia and Ukraine in the post-Soviet period]. Moscow: IEA RAN Publ., pp. 222-240.
19. Way L. (2005) Authoritarian State Building and the Sources of Regime Competitiveness in the Fourth Wave: The case of Belarus, Moldova, Russia and Ukraine. *World Politics*, 57(2), pp. 231-261.
20. Weber M. (1922) Die drei reinen Typen der legitimen Herrschaft. *Preussische Jahrbücher*, 187, 1-2 (Russ. ed.: Veber M. (2007) Traditsionnoe gosподstvo [Traditional domination]. *Prognosis*, 2, pp. 150-165.).
21. Zakaria F. (1997) The rise of illiberal democracy. *Foreign Affairs*, 76 (6), pp. 22-43.